

“Waltzing Matilda”

В 1956 году на Олимпийских Играх в Мельбурне, когда побеждал кто-нибудь из представителей хозяев страны, и австралийские спортсмены награждались медалями, всякий раз исполнялся английский гимн "Боже, храни королеву! "Это повергало в недоумение всех иностранцев, включая и англичан. Тем более, что как только утихали последние звуки гимна, воодушевленные зрители на огромном стадионе хором затягивали "Вальсирующую Матильду". И через двадцать лет, в 1976 году в Монреале песня эта снова неслась в мир... Прозвучала она и на XXII Олимпийских Играх в Сиднее...

Долгая и даже бурная история с национальным гимном Австралии вполне может быть темой для отдельного рассказа... А вот то, что большинство австралийцев, действительно, считало и даже настаивало, что лучшего варианта гимна, чем "Вальсирующая (или "Танцующая») Матильда" не найти, говорит о её поистине национальном характере и оттого удивительной популярности... Но, поскольку в ней бродяга, якобы, укравший четырёх овец бросается в озеро, лишь бы не попасть в руки властям, "Матильда" была сочтена "подрывающей устои" и отвергнута.

Однако, это не помешало австралийским солдатам пронести свою любимую песню через две мировые войны, вместе с ними она штурмовала Дарданеллы, шла до полей Фландрии, её пели под Тобруком и на Крите. Эту песню обычно играли в австралийских портах, когда приходил очередной корабль с эмигрантами из Европы... Говорят, в сувенирных магазинах и сейчас продаются заводные куколочки с узелком за плечами: несколько поворотов ключа – и тоненько зазвучит знакомая мелодия:

*Вы те, кто бродит по дорогам, покрытым пылью,
Таца свой свэг. свой дырявый свэг на край земли,
Там высоко над вами сияет Южный Крест...*

Кто со мной? – "Вальсирующая Матильда", моя дорогая...!"

Греческие города не спорили так о том, в каком из них родился Гомер, как австралийцы об авторстве мелодии "Вальсирующей Матильды"...

Учёные музыковеды находят, что в её основе могут лежать шотландские мотивы или элементы музыки английских солдат XVIII века. Но в любом случае, точно известно, что маршевая её аранжировка сделана в Австралии в начале 1890-х годов и впервые исполнена в Виктории 24 апреля 1894 года на скачках в Варнамбуле. (Редкие копии нот этого марша ещё существуют). Её автор Томас Балч, больше известный под псевдонимом Готфри Паркер, умер в 1941 году, оставив поместье, стоимостью всего в 200 фунтов. Но, видя, как солдаты из Сиднея под "Вальсирующую Матильду" уходили на первую мировую войну, сказал своему другу: она стоит миллион, когда я слышу, как её поют...

Не обогатила "Матильда" и поэта Эндрю Патерсона, чья собственная судьба тоже похожа на остросюжетную балладу. И чей портрет сегодня – на десяти долларовой купюре. Он написал её в буше, где услышал однажды грустную историю о том самом скитальце, что утонул, преследуемый полицейскими. До поздней ночи сидел он на веранде и писал об одиноких парнях, пешком пересекающих огромные просторы Австралии. Иногда им удавалось подрабатывать горняком, пастухом или стригалём. Чаще, добравшись к вечеру до какого-нибудь жилья, где в это время готовился ужин, они просили хозяйку угостить их таким маленьким кусочком хлеба, который они могли бы хоть "показать своему желудку".

Странники, как правило, никогда не носят с собой больше, чем нужно: пара белья, рубаша, чайник-билли, вода и пакет сахара, завёрнутые в тонкое одеяло, из которого они делали скатку (свэг). За это их самих прозвали свэгменами. Обычно такие одеяла были синие или голубые – кстати в большом хорошем словаре слово "blue" означает "одеяло", закрученное одеяло, независимо от его цвета. Песня, столь дорогая сердцу каждого австралийца, воспевает именно такого бродягу-свэгмена, который уселся под деревом дожидаясь, покуда в чайнике над костром закипит вода. И его «Танцующая Матильда» всегда с ним... На самом же деле никакой девушки по имени Матильда нет и в помине. Ибо «Матильда» – это шутовское название узелка, который он носит повсюду

с собой, А танцевать с Матильдой – ничто иное, как идти по бесконечным дорогам с палкой на плече, на конце которой пляшет и подпрыгивает жалкий узелок. (В русском языке тоже есть сленговое выражение "гуляй вальсом", т.е. иди подальше отсюда).

Но вот отчего именно это имя – Матильда? Кто и когда принёс его в далёкую Австралию? Все ответы годятся только со словом «возможно»... Говорят, к примеру, что ещё в средние века торговцы называли свои узлы с товаром "Матильдой". Возможно... Или австрийские солдаты во время тридцатилетней войны (1618 – 48) называли Матильдами женщин, следовавших за лагерем. Тоже возможно...

Во всяком случае, известно, что "Матильдами" звались солдатские шинели, на которых приходилось согреться, лёжа, вместо кроватей, на холодной земле. А возможно, слово это попало в английский язык во время войны с испанцами в 1701 году...

Однако, бесспорно, что родиться такая песня о страннике и его узелке могла только в Австралии – таинственной и одинокой земле, и скорее всего в 50-е годы, когда по ней в поисках работы или золота из конца в конец скитались многочисленные "свэгмены".

Так песня, когда-то вобравшая в себя дух развития Австралии, сделалась её символом и талисманом!

«ЛУЧШИЙ ГЕНЕРАЛ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ»

Говорят, на Востоке существует поверье, будто Будда на свой день рожденья позвал в гости животных, чтобы одарить каждого "персональным" годом. Подарки доставались в порядке живой очереди. Но быстроногая лошадь пришла лишь седьмой – из порядочности пропуская других, даже медлительную и вовсе без ног змею... Ведь лошадь и в самом деле справедлива, трудолюбива, независима, добра и умна. И потому, наверное, бронзовые скакуны веками несут своих великих седоков в зной и стужу в разных уголках мира. Австралия – не исключение, ибо все три конные памятника в Мельбурне: английскому королю Эдварду VII, первому Генерал-Губернатору Австралии графу Норетун и великому австралийцу Джону Монашу давно сделались приметой столицы Виктории.

Последняя, правда, не сразу, как говорится, пришлась ко двору: специалистам показалось будто неправильная посадка всадника слишком прямо сидит, плечи вислые, грудь не расправлена, и коротко натянутая уздечка делают всю конную статую неестественной...

Но со временем памятник, созданный на собранные по подписке деньги и открытый 12 ноября 1950 года, сделался одним из известнейших во всей Австралии. И обязан таким признанием, безусловно, знаменитому своему седоку, чья жизнь до сих пор остаётся примером для подражания, удивляет и восхищает. Тем более, что сэр Джон Монаш известен сегодня каждому из нас, буквально, в лицо – чуть суровое на вид, с внимательными глазами и ухоженными усами – на стодолларовой новой австралийской банкноте! Рядом с заряженной пушкой и скачущей в бой кавалерией...

Однако, война – лишь половина его славной жизни, "Marte et Arte", как значится на его фамильном гербе – "Война и Мир"... Кстати, весь этот герб, словно, соткан из обстоятельств в судьбе его обладателя: пять звёзд на щите – созвездие Южного Креста указывают на место его рождения – Джон Монаш родился в Западном Мельбурне в 1865 году в семье эмигрантов из Пруссии; золотой Лев вверху герба держит в лапах циркуль царя Соломона – фамилия отца, издателя еврейских религиозных книг писалась Monasch а не Monash. (В Мельбурне тогда жило около 3-х тысяч евреев, выходцев в основном из Англии и Германии, к 1890 году их число почти удвоилось).

В Мельбурнском Университете он получил инженерную специальность и степень "Мастера" – строил дома, железные дороги в восточных районах города, проектировал мосты Princes Bridge и Anderson Street Bridge, и широкая золотая полоса по центру герба является символом построенных им мостов, а также вклада в технический прогресс.

Можно подумать, что он коллекционировал дипломы: в 1895 – юриспруденции, чуть позже – по искусству; знал языки, играл на пианино. И вполне мог с таким же успехом стать учёным, богословом, адвокатом, музыкантом или филологом... Лавровый венок в гербе и отражает его академические и научные почести.

К слову, его высококвалифицированный труд соответственно высоко оплачивался: когда двадцатилетним он женился на Ханне Мосс и поселился в Ричмонде, его доход составлял 2000 фунтов стерлингов, а в 1913-ом уже 30 тысяч фунтов, что по сегодняшним меркам соответствует 1 млн. долларов в год!

И всё же подлинная слава пришла к нему в 49 лет, когда разразилась 1-я мировая война – вот отчего рядом с лавровым венком в гербе присутствует меч, означающий, что владелец герба был также солдатом. Его всегда интересовала военная история, и он мог по памяти в деталях описать любую мировую битву. Да и сама военная карьера по существу

началась ещё в мирное время, когда он служил в австралийской гражданской гвардии – резервном формировании британских регулярных войск, и потому войну он встретил в чине полковника запаса.

В этом то звании во главе 4 пехотной бригады Джон Монаш и высадился 25 апреля 1915 года на Галлиполийский полуостров. О Галлиполийском десанте, обернувшимся многомесячным кровопролитным сражением до 20 декабря 1915-го, в Австралии знают все. О плохо просчитанной операции по уничтожению укреплений турков на полуострове и минных полей в проливе, в результате которой австралийские и новозеландские войска – ANZAC оказались под шквальным огнем противника еще в лодках перед штурмом почти отвесного берега. О вырытых на все-таки захваченных каменистых позициях траншеях, где драться приходилось не только штыками, а и кулаками! Как и о том, что долгие годы – до 1944-го этот десант оставался крупнейшей в истории высадкой с боем на вражеский берег. И потому, когда вышел фильм о Галлиполи, многие подумали, что это художественный фильм. На самом же деле он лишь воссоздал подлинные наиболее трагические события кампании, по своей невероятности и впрямь похожие на легенды.

Как известно, в декабре того же года британское командование, наконец, приняло решение эвакуировать войска – 45 тысяч измотанных непрерывными боями солдат и офицеров. Возложив ее руководство на Джона Монаша, ставшего уже бригадным генералом и, главное, успевшим показать блестящие организаторские военные способности, помноженные на умение неправдоподобно быстро просчитывать ситуацию и титаническую выносливость в работе.

И этот его вывод без потерь из-под носа у противника многотысячного войска, по определению специалистов, считается одной из самых блестящих операций в истории войн!

А тогда за неделю до Рождества 1915 года на позициях постепенно оставалось все меньше человек: 5000, 1500, потом 14 км фронта держали всего две роты – 170 отборных, самых умелых и храбрых бойцов. Они создавали впечатление активной боевой деятельности: вели огонь, жгли костры, передвигались в траншеях. Когда же к 2 ночи последний из них покинул свой окоп, Джон Монаш записал в судовом дневнике на борту последнего уходящего парохода ставшие историческими слова: «Если бы турки знали! Мой пикет только что прибыл и доложил, что турки подкапываются под наши заграждения, готовясь к атаке. Значит не

знают, что позиции уже пусты. Но там до утра будут работать мои ружейные автоматы и взрывные имитаторы, а когда они атакуют, – сработают все фугасы. Но людей наших там нет уже более двух часов!» Так все и случилось: когда в опустевших окопах вдруг началась пальба, турки бросились в атаку, но...

Остается горько сожалеть, что и высадка десанта, в котором погибло огромное число союзнических войск, в основном австралийцев и новозеландцев, не была поручена тому же Монашу!

К маю 1918-го он уже командовал всеми австралийскими войсками в Европе, и те же историки считают, что если бы Монаш стоял во главе всей британской армии, то Первая мировая могла бы закончиться быстрее и с меньшими потерями. Но войны, увы, не признают запоздалых сожалений!

Он гордился своей страной, написав с фронта жене, что быть первым рождённым в Австралии командиром – ради этого стоило жить... И, значит, не случайно всё на том же его гербе справа и слева щит поддерживают два солдата австралийских вооружённых сил – артиллерист и пехотинец. А понизу – британские и иностранные ордена, которыми был награждён этот, по определению маршала Монтгомери, "Лучший генерал на Западном фронте".

Если не знать, не помнить заслуг Джона Монаша в 1-й мировой войне: участия в успешном разрушении "Линии Гинденбурга", точно просчитанного им сражения, которое немецкий генерал Людендорф назвал "Чёрным днём Германии" – не понять бы, откуда у сына ребе фамильный Герб?! Он получил на него право в августе 1918 года прямо на поле боя, когда преклонил колено перед королём Георгом V, а тот возложил на его плечо меч, совершив тем старинный обряд посвящения в рыцари, который не совершался английскими монархами с 1743 года! Домой, в Австралию, сэр Монаш вернулся с наградами не только от Англии, Франции и Австралии, но и от Бельгии, Америки. Но он не был бы тем сэром Монашем, как сказали бы нынче – "с компьютером в голове и бензином в венах", если бы просто почил на заслуженных лаврах... Десять лет – с 1921-го и до самой смерти в 66 лет – он возглавлял Государственную Электрическую комиссию. Воспитывал свою единственную дочь Бертю, возглавлял Австралийскую сионистскую федерацию. И никогда не забывал о тех, кому не довелось с победой возвратиться домой – оттого был одним из инициаторов создания в Мельбурне Храма Памяти и Дня Памяти – Anzac Day. Большой ценитель австралийских лошадей *walers* и *gunners*, сэр Монаш в мае 1926 года

открыл в своём родном городе необычайный монумент – десяткам тысяч погибших воинов-лошадей, через 60 лет отнесённый к общему военному мемориалу "Shrine"...

Известно, что однажды "правые", опасаясь коммунизма в Австралии, пытались использовать огромный авторитет сэра Монаша, сделав его диктатором! К чести своей он отказался, оставив нам своё имя в названии второго по величине в Виктории Университета, трёх внуков и 7 правнуков, а также свои любимые девизы: "Черпайте знания, где только возможно, просто ради самих этих знаний" ... И «Примите как свое фундаментальное кредо, что вы будете развиваться не только для собственной пользы, но и для пользы всего общества!»

Когда 8 октября 1931 года сэр Монаш умер, мельбурнцы прощались с ним до 11 октября в Королевской зале Парламента. 250 тысяч человек выстроились в девятимильную линию от этого здания до кладбища в Брайтоне, где гроб, покрытый английским флагом, ждали ещё 50 тысяч желающих попрощаться с великим соотечественником (генерала похоронили рядом с женой).

И по сию пору в годовщину его смерти на кладбище собираются ветераны, учащиеся школ, родственники, играет военный оркестр и приспускается Государственный флаг. (а Ребе Австралийских вооружённых сил читает молитву...)

И, право, не так уж важно, насколько удался бронзовый всадник в King's Domain - главное, что сэр Джон Монаш был и остаётся навечно величайшим сыном Австралии